

Глава 2.3.

— Ты думал обо всём этом в таком возрасте?

— Я был немного поверхностным в своих размышлениях тогда.

«Что значит поверхностным? Если это поверхностно, то что тогда я?» — Слова чуть не вырвались автоматически, но Кон Пёнхва едва сдержался.

Не было нужды раскрывать свои собственные недостатки — он мог просто сделать комплимент другому человеку.

— Ничего себе, да ты настоящий гений. А я-то думал, что побеждает тот, кто в лучшей форме в день экзамена.

— Ах, нет, вовсе нет. — Сэбёк был смущён внезапным комплиментом, но ему это не было неприятно.

— Что значит «вовсе нет»? Ты, блять, гений.

Сэбёк неловко почесал щеку. Его щеки покраснели.

Этот вид вызывал у Кон Пёнхвы зуд в руках от желания как-нибудь невзначай до него дотронуться.

— Н-нет, даже без этого...

Могу я просто прикоснуться к нему разок, сделав вид, что это ничего не значит? Просто легонько похлопать? Это будет нормально?

Не подозревая о любопытстве Пёнхва, Сэбёк теребил пальцы и неловко улыбался.

— В-в любом случае...Я думаю, что неправильно понимал тебя. Прости..

— Думаю, я тоже был неправ насчет тебя.

Кон Пёнхва решил на этот раз оправдать своё имя.

Да, давай жить мирно. Просто потому что наши родители не ладят, разве детям тоже нужно иметь плохие отношения?

— Наверное, у меня появились некоторые предрассудки, из-за того, что наши семьи не очень ладят.

— Дело не в том, что они не ладят, а в том, что твоего отца односторонне громит мой отец.

— Какого чёрта?

Упс.

Его глубоко укоренившееся уродливое сознание соперничества по отношению к семье Шин Сэбёка неосознанно выскользнуло.

— Ой, то есть...это как-то не так прозвучало.

— Я всё прекрасно расслышал, знаешь ли?

— Давай, будем мужиками и оставим прошлое в прошлом, а?

Кон Пёнхва говорил так, как ему хотелось, и ткнул Шин Сэбёка в бок. Он даже незаметно сунул в карман Шин Сэбёка мармеладку и шоколадный батончик.

Хотя это были те самые закуски, которые Шин Сэбёк дал ему сам.

Шин Сэбёк потерял дар речи от этого бесстыдства — возвращать его же подарки в качестве взятки, но он не хотел создавать обид после того, как они разрешили недопонимание длиной в 12 лет.

Кон Пёнхва, должно быть, чувствовал то же самое, поэтому сменил тему.

— Кстати, я не знал, что у тебя аллергия на манго. Я думал, у тебя только на персики и арахис.

Если подумать сейчас, Сэбёк, казалось, был в ужасе, когда он приблизился с манговым пудингом. Прошло слишком много времени, чтобы помнить точно, но, кажется, так оно и было.

И подумать только, что он так переживал и просчитывал возможности своей маленькой головой — Кон Пёнхва теперь иначе смотрел на Шин Сэбёка.

Он думал, что тот грубый парень, но на самом деле он просто много о чём переживал.

— Аллергия бывает разная. И у меня не только на манго...

Он не стал добавлять, что у него аллергия на неизвестные раздражители и ему нужно быть осторожным с едой. Это казалось лишней информацией.

Сэбёк замолчал.

— Понятно. А ты у нас довольно чувствительный. — Кон Пёнхва обнял Сэбёка за плечо и пошёл вразвалочку. — Теперь, когда мы разобрались с недоразумением, давай ладить, хорошо?

— Д-да!

—

— Это одна из причин, по которой я отказался от манго.

Кон Пёнхва любил тропические фрукты с тех пор, как был еще в утробе матери, но, став возлюбленным Шин Сэбёка, он смело отказался от тропических фруктов.

— Я не хочу, чтобы мой Сэбёк говорил «фу», когда мы целуемся.

— Мне нужно знать о ваших обстоятельствах поцелуев? — Чон Сону просто хотел пойти домой.

— Итак, вы разрешили свои детские недоразумения и с того момента начали встречаться. Хотя я чувствую себя неопишимо преданным, любовь принесла плоды, так что поздравляю, а теперь я пойду домой...

— Нет, нет. В то время мы просто флиртовали. Я же говорил тебе.

Чон Сону, который высматривал шанс пойти домой, снова потерпел неудачу.

— Это был своего рода пролог, когда наша история начала писаться по-настоящему.

— Какой сумасшедший пишет 50 000 знаков для пролога?

— Наша любовь, как бы это сказать, эпос, история, легенда, миф, что-то в этом роде.

— Не интересно. — На всякий случай Чон Сону донёс свои истинные чувства.

— Было много инцидентов.

Конечно, это не помогло.

— Ромео и Джульетта? — Кон Пёнхва презрительно фыркнул. — Эти чёртовы милашки. Мы были как Хон Гильдон, который не мог назвать своего отца «отцом», а своего брата «братом». Это было похоже на любовь между северокорейским шпионом и южнокорейским агентом разведки.

— Не интересно...

— Каждый момент был тайной операцией. Вот как это было тогда.

Какую силу имеет молодой ученик? Слова родителей были подобны небесному указу.

Кон Пёнхва, который знал всю важность карманных денег, и Шин Сэбёк, который обычно слушался взрослых и никогда не бунтовал — оба хотели теперь лучше ладить, когда они разрешили свои недопонимания.

После школы они оба пассивно обращались к своим родителям, спрашивая, нормально ли ладить с тем парнем.

И ответ, который пришёл...

«Только через мой труп!»

Был холоден.

— Никогда не думал, что услышу фразу, которую слышишь только в третьесортных драмах, живую, да еще и голосом моего отца.

— Я понимаю твою драматическую историю любви, но я хочу домой...

— А ты знал? Ребенок, который растет под гнетом родителей, становится идеальным лжецом.

Чон Сону был ошеломлён.

Даже если не говорить о Шин Сэбёке, разве уместно описывать своих родителей как тиранов?

— Так начался наш тайный флирт.

Ну нет, черт возьми.

— И крыша стала нашим тайным местом встреч.

Не интересно.

После разрешения недоразумения эти двое иногда встречались на крыше.

Сэбёк приходил проверить сад на крыше раз в день, а Пёнхва просто приходил потусоваться, когда ему было скучно.

— Эй, почему у тебя есть ключ от крыши? Ты её арендовал?

— Ага.

— Правда? Можно купить и продать школьную крышу?

— Конечно же, я шучу.

Они стали достаточно близки, чтобы так шутить друг с другом. Казалось, стали чем-то вроде друзей.

Но.

— Я прощупал почву с отцом, и он сказал мне не сближаться с тобой.

— Мне тоже...

— Не слишком ли они драматичны в своём возрасте?

Как он мог говорить такие вещи? Такие слова о своих родителях? Губы Шин Сэбёка дрожали от шока, но втайне он чувствовал легкий трепет.

Но вместо того чтобы соглашаться вслух, он просто робко кивнул.

Было ощущение, что делаешь что-то плохое.

Нет, не просто как что-то плохое, а действительно плохое? Обсуждать родителей за их спиной! Но он также чувствовал освобождение от своих подавленных чувств.

— Давай всё равно ладить, хорошо?

—...Ага!

Это был первый бунт в семнадцатилетней жизни Шин Сэбёка!

— Эй, почему ты всегда посылаешь мне записки? Просто напиши сообщение.

— Я не знаю твоего номера...

— Ты действительно бессердечный. Сколько лет мы уже знаем друг друга?

У Кон Пёнхва тоже не было номера Сэбёка.

— Ты тоже бессердечный.

— ....

Они обменялись номерами впервые за двенадцать лет.

Кон Пёнхва спросил Шин Сэбёка, уже наполовину ожидая ответа.

— Эй, как ты сохранил мое имя в телефоне?

— Первый класс, первый ряд, Кон Пёнхва.

— Ха, ты просто псевдоинтеллектуал.

Сэбёк, которого никогда в жизни не называли псевдоинтеллектуалом, был в шоке и мог только разинуть рот.

Твои родные, друзья или знакомые могут случайно увидеть. Как можно сохранять так очевидно?

Это очевидно? Как Шин Сэбёк ни ломал голову, он не мог придумать другого способа сохранить контакт Кон Пёнхвы, кроме как «Кон Пёнхва».

— Я сохранил тебя как «Гений-Цыпленок». Потому что ты гений.

— Что?

Он мог принять часть про «гения», но откуда взялся «цыпленок»? Пока Шин Сэбёк просто хлопал глазами, Кон Пёнхва глубоко вздохнул.

— Можешь просто сказать, что это куриная закусочная, в которую ты часто звонишь. Мог бы сохранить меня как «Красавчик-Цыпленок» или «Крутой-Цыпленок».

— Но я не заказываю курицу.

— Твоя жизнь такая скучная...

Он не ест курицу? В Южной Корее, куриной державе? Вот упрямый засранец. Кон Пёнхва втихаря сменил имя «Гений-Цыпленок» на «Упрямый-Цыпленок».

— Такими темпами тебе будут выбирать, на ком жениться.

— Конечно, будут.

Сэбёк давно осознавал своё положение.

Он не мог жениться на ком-то, кого любит, как другие. Он должен был унаследовать компанию, и брак был бы величайшей деловой сделкой в его жизни.

Более того, Сэбёк был омегой.

Возможно, ему придётся скрывать то, что он омега, даже от жены, так что его партнёршей, скорее всего, будет бета-женщина.

— Эй. Как это «конечно»? Ты должен жениться на том, кого любишь. Даже те, кто женятся по любви, разводятся, если они несовместимы.

Кон Пёнхва был более романтичным, чем казался.

— Я собираюсь жениться на том, кого люблю.

—

Кон Пёнхва, романтик этой эпохи, приходил на крышу всё лето.

— Ты часто приходишь.

— Здесь ветерок.

В то время, которое по документам называлось «каникулами», но читалось как «принудительные дополнительные занятия», кондиционеры включали нечасто.

К тому же, так как Кон Пёнхва был высоким и сидел сзади, кондиционер его особо не спасал.

— Ах. Вот это жизнь.

Кон Пёнхва растянулся в тени и закрыл глаза. Каждый раз, когда дул ветер, его воротник и волосы колыхались.

<http://bllate.org/book/17004/1578842>